

Андрей Норкин

18+

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ

КАК Я ОТДАВАЛ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Андрей Норкин

**Армейские байки. Как
я отдавал священный
долг в Советской Армии**

«Издательские решения»

Норкин А.

Армейские байки. Как я отдавал священный долг в Советской Армии / А. Норкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558941-5

Автобиографическая книга известного российского журналиста Андрея Норкина, в которой автор весело и непринужденно рассказывает о своей армейской службе. Норкин не скупится на резко ироничные штрихи армейской действительности. Однако, несмотря на сатирические картины, тематика её значительно шире. Даже в эпизодах, полных юмора, вдруг проскальзывают пронзительные душевные нотки... Вдруг с удивлением замечаешь, что, по сути, в книге нет ни одного по-настоящему отрицательного персонажа. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-558941-5

© Норкин А.
© Издательские решения

Содержание

Священный долг и почетная обязанность. ПРЕДИСЛОВИЕ	6
От автора	7
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Армейские байки Как я отдавал священный долг в Советской Армии

Андрей Норкин

© Андрей Норкин, 2021

ISBN 978-5-0055-8941-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Священный долг и почетная обязанность. ПРЕДИСЛОВИЕ

Автобиографическая книга известного российского журналиста Андрея Норкина «Священный долг и почетная обязанность» читается легко – автор весело и непринужденно рассказывает о своей армейской службе, проходившей четверть века назад. Сразу оговорюсь, единственное нарекание с моей стороны – это ненормативная лексика, которую автор порой использует для воссоздания достоверности и полнокровности армейского быта. Я прекрасно понимаю, что в советских казармах не изыскивались на изысканном французском, но моя позиция в этом вопросе хорошо известна: я – противник употребления любой нецензурной риторики, и в первую очередь, в художественных произведениях.

Итак, Закавказский военный округ, обычная, ничем не примечательная воинская часть под Кутаиси, 80-е годы прошлого столетия – последние годы существования Советского Союза. И молодой москвич, неожиданно заброшенный сюда по какой-то прихоти судьбы.

Норкин не скупится на резко ироничные штрихи армейской действительности. Однако, несмотря на сатирические картины, которые, безусловно, преобладают в книге, – тематика её значительно шире. Даже в эпизодах, полных юмора, вдруг проскальзывают пронзительные душевные нотки... Вдруг с удивлением замечаешь, что, по сути, в книге нет ни одного настоящего отрицательного персонажа. Да, порой офицеры бывают строгими и – даже грубыми и жестокими, а солдаты – разгильдяями или, скажем, хамами. Но в какой-то момент автор показывает их простыми людьми, в которых отчетливо видна их человеческая суть, их душа.

В книге заметна ностальгия автора по юности – по молодому, задорному, иногда даже брызжущему через край лихачеству, по бесшабашности и удали. Так что порой кажется, что его армейская служба больше напоминает веселые приключения или затянувшийся бесконечный праздник. И действительно, нам вместе с автором становится непонятно – зачем Господь выхватил его из московской размеренной жизни и окунул на два года в этот театр абсурда... И Норкин находит ответ, являющейся по сути главной темой книги: «Возможно, все это было для того, чтобы я встретил за короткий промежуток времени столько разных, отличных друг от друга людей... Узнал цену искренней дружбы, не отягощенной меркантильными, карьерными или какими бы то ни было другими интересами, из которых состоит жизнь взрослого человека...»

Ведь армия, описываемая Норкиным – это своего рода солдатское братство, в котором неважно – какой ты национальности или культурного уровня, где ты родился и кто твои родители. Именно поэтому автор книги задерживает свой «дембель» и служит в армии лишний месяц, чтобы уехать домой вместе со своими друзьями-однополчанами. Именно поэтому с такой трогательной теплотой он и описывает свой армейский быт.

Заканчивается срок службы, и вместе с ним заканчивается юность автора книги, начинается взрослая жизнь. Ещё чуть-чуть, и не станет страны, в которой он вырос и в армии которой он служил. Великая держава начинает понемногу расходиться по швам, и вот уже – первые трещины будущих великих межнациональных конфликтов – националистические беспорядки в Тбилиси... Реальная жизнь всегда пишет свою драматургию – порой гораздо более фантастичную и уж, во всяком случае, куда драматичнее придуманной писателями.

К. Г. Шахназаров

От автора

Когда я писал эту книгу, я, конечно, и представить не мог, насколько изменятся наши Вооруженные Силы. Впрочем, у меня и не было такой задачи. Я просто хотел вспомнить два года своей жизни, которые я провел в не самых комфортных бытовых условиях, поделиться смешными и драматическими подробностями собственной молодости, рассказать о людях, которых я встретил на этом жизненном отрезке.

Конец восьмидесятых еще ждет своего осмысления. Сейчас больше говорят и чаще стараются анализировать девяностые годы, время зарождения новой России. Я же служил в Советской армии в последние годы существования той, прежней страны. Было бы странным, если бы всеобщее ощущение приближающейся катастрофы обошло стороной такой внушительный государственный институт, как армия. Поэтому моя военная служба была именно такой, какой я ее описал: бестолковой, показушной, трагически бессмысленной, но в то же время искренней и, как это ни покажется странным, доброй.

Фамилии большинства действующих лиц я немного изменил, чтобы ненароком не обидеть кого-нибудь. (Хотя считается, что на правду обижаться нельзя.) Но все без исключения события, описанные в книге, произошли на самом деле! С моим непосредственным участием. На мой взгляд, это добавляет интриги. Потому что мне до сих пор непонятно, каким образом этот «театр абсурда» под названием «Советская армия», спустя тридцать лет подготовил и выпустил на авансцену... «вежливых людей»? Которыми может гордиться каждый российский гражданин, принимающий близко к сердцу такие понятия, как «священный долг» и «почетная обязанность». Я, по крайней мере, горжусь!

Андрей Норкин

Моей маме. Которая сохранила все мои письма.

Моей жене. Которая надоумила меня их перечитать.

В этой жизни они не встречались. Не успели.

«Здравствуйте, папа, мама и дядя Илья! Я живу хорошо, просто замечательно! У меня есть шинель, она теплая. А здоровье мое – очень хорошее, „то лапы ломит, то хвост отваливается“. (Это я – для Илюхи, который спрашивает про мозоли. Мозоли есть, Кролик, не волнуйся!) А лохматость у меня явно повысилась, правда, на снегу спать не могу, но увидите, наверно, на моей фотографии. 09. 12. 1986 г.»

Ну, «долг» – это я понимаю. «Священный» – тоже. Все-таки в середине восьмидесятых пробелов в патриотическом воспитании молодежи старались не допускать, хотя Афганистан, несомненно, общую картину портил. Но вот почему «обязанность» была «почетной»? Это я понимать отказывался. Точно так думало и подавляющее большинство молодых людей призывного возраста. Никто этой «обязанности» не хотел, и все ее боялись.

Про армию рассказывали жуткие вещи, так что мне было страшно вдвойне. Я уходил почти раньше всех. Провожать меня собралась куча народу. К стадиону «Локомотив» приехали все: Борька с Наташкой, Дядька с Теткой, Пахомака, Дзюба, Фолома Пепла, Гарик, Губаевы, Ирка с Ленкой, мой младший брат Илюха... Странно, но я совсем не помню родителей. Это, впрочем, обычная история. В восемнадцать лет родители являются далеко не самыми главными людьми в вашей жизни. До тех пор, пока вы вдруг не оказываетесь без их поддержки и заботы...

В общем, меня обрили наголо, отобрали документы и оставили сидеть на сборном пункте на Угрешской улице. http://photos.wikimapia.org/p/00/00/43/52/38_big.jpg) Военкомат Москвы, сборный призывной пункт, Угрешская улица, д. 8.

Начался хаотический процесс братания. Каждый старался как можно точнее и быстрее понять, какая судьба его ждет. Понятно, что больше всего боялись двух вещей: Афгана и флота. И если для отправки в первый еще находились добровольцы, (хотя их было на порядки меньше, чем в начале войны) то во второй – народ идти решительно не желал.

Меня, вроде бы, должны были отправить в войска связи. В старших классах на УПК я получил профессию «намотчик катушек», и это считалось достаточным для того, чтобы сделать из меня еще и военного специалиста схожего профиля. Никакой «связной» команды, однако, на ГСП так и не появилось, и вечером меня выгнали домой. Лысого. Без паспорта.

Неделю я болтался с друзьями по улицам. Бритый череп успешно заменял документы. Милиционеры почему-то охотно верили в то, что я не просто так прикидываюсь, а действительно жду отправки «на фронт». После второй торжественной церемонии проводов я опять оказался на сборочном пункте, провел там двое суток, уничтожил все домашние пищевые запасы, потому что кормили нас за это время всего два раза, и когда вероятность голодной смерти уже не казалась чем-то невозможным, все-таки уехал служить. В артиллерийскую сержантскую учебку.

Моим новым домом, на ближайшие шесть месяцев должен был стать Гороховецкий учебный центр. В/ч 63309 приветствовала нас колонной старослужащих, как потом выяснилось, из батареи управления, радостно оглушившей нас криком: «Духи, вешайтесь!», что, конечно, прибавило дрожи в коленках. «Братства», появившиеся на Угрешке, уже неоднократно распались и были созданы заново, но все шло к тому, что придется рассчитывать на собственные силы и ориентироваться на местности.

Когда нас раздели в очередной раз, (уже и не помню в какой по счету) теперь для того, чтобы сделать прививку сразу от всех болезней, я почему-то решил нарушить все рекомендации, которые давали мне на гражданке более осведомленные в жизненных реалиях друзья. Рекомендации были такими: «Никогда и никому не рассказывай о своих увлечениях на гражданке! Особенно, творческих! Сразу зачморят!»

В толпе обступивших его призывников прапорщика из строевой части было практически не видно, но слышно. «Гармонисты есть?» – спросил он. Конечно, гармонисты были, причем несколько. «А конференсье не нужны?» – в свою очередь зачем-то спросил я. «Разберемся», – ответил прапорщик, и как показала моя дальнейшая жизнь, мой порыв был явно инициирован высшими силами. Или это были последствия прививки. Ее недаром делали сразу от всех болезней, потому что некоторые ухитрились моментально терять сознание. (Imgg421 Imgg439 Гости с «большой земли». Отец и брат приехали!)

«Страшные рассказы пока не подтверждаются, так что мама может своих подружек успокоить, потому что у меня ничего не украли, никто меня не бил и по ночам деньги не стреляли. 23. 11. 1986 г.»

На самом деле все, конечно, выглядело не совсем так. В первый же день была выявлена ужасная проблема – отсутствие хлястика на шинели!

Хлястик прикреплялся к спине двумя кругленькими пуговицами. Несмотря на явную принадлежность к Вооруженным силам, (это демонстрировали «звездочки») пуговицы не отличались хорошей дисциплиной, поэтому хлястики все время терялись. Довольно быстро все мы поняли, что обороноспособность страны напрямую зависит от внешнего вида будущего сержантского состава, потому как дрючили нас на построениях исключительно за соответствие внешнего вида требованиям устава. Это привело к тому, что я постарался как можно скорее и как можно основательнее забыть внушавшиеся мне все эти годы моральные принципы, и, в случае необходимости, выходил на «охотничью тропу». Отцепить хлястик от чужой шинели не представляло труда. Гораздо хуже обстояли дела, когда куда-то пропадала сама шинель. Здесь уже приходилось подбирать себе обмундирование по размеру, да еще и переделывать идентификационные знаки, которые могли бы выдать настоящего хозяина. «Солдат без бирки – как пизда без дырки!» – это было первое, что я запомнил.

Не могу сказать, что я не был знаком с ненормативной лексикой до того, но оказалось забавным, потому как в армии мат, очевидно, выступал в роли государственного языка! Матом не ругались, а на самом деле – разговаривали. Офицеры и прапорщики, сержанты и рядовые, русские и нерусские. Не стоит, наверное, даже упоминать, что все друг друга отлично понимали! Хотя и преувеличивать влияние этого своеобразного «эсперанто» на армейскую действительность я бы тоже не стал. (Imgg462_1 Семейная традиция. И мой отец, и братья мамы, обязательно фотографировались в армии со снежком в руках...)

Сама же эта действительность очень быстро приобрела вид конвейерного производства. Хотя – довольно разнообразного.

«Три дня жили в поле. Две ночи ночевали в палатках, а днем работали по насыщенной программе. В первый день мы сначала нюхали хлорпикринчик, а потом ходили по азимуту. Было очень весело, потому что мы заблудились, но все равно вышли. Потом – тактическая подготовка. В последнем письме мама обратила внимание на тактику. Да, да. Так и ползаем

в шинелях прямо по снегу, а потом, мокрые и грязные, идем на занятия. Или на работу, или еще куда.

Милая мамочка, когда я прочитал об «обсушке», я очень долго и весело смеялся. Разве же у нас есть время?! Это письмо я пишу в перерыве политзанятия. А подшиваюсь – ночью. В четыре утра встану, подошьюсь и опять спать.

PS. Чуть не забыл. На полевом выходе я потерял очки! То-то весело. Ну, все. Новый год на носу! 25. 12. 1986 г.»

Конечно, в первую очередь скучать не давали занятия и наряды. Со вторыми у меня сразу как-то не задалось, чему я, конечно, был только рад. Из общих обязанностей меня касались только караулы и полевые выходы, которые рассматривались как своеобразные приключения. Вернее, это я сам придумал так к ним относиться. В противном случае, развертывание ППЛС (пункта приема личного состава) зимой, в ночное время, после продолжительного марш-броска на машинах, могло быстро вогнать в тоску. Бросать гранаты в БТР было весело, а лежать под ними – не настолько страшно, как можно было подумать. Гораздо опаснее, кстати, оказался сам «полевой быт». Если вам, не дай Бог, попадался не очень внимательный дневальный, отвечавший за поддержание тепла в палатке, все могло кончиться печально. Пару раз мы просыпались едва ли не в последний момент, потому что бедолага дежурный сам засыпал, не заметив, как чей-то валенок привалился к раскаленной буржуйке и начал активно тлеть, источая сладостный, но удушающий аромат.

На улице греться приходилось по-другому. Сначала выкапывалась яма (при морозах под тридцать процесс, сам по себе, разогревающий), потом в яму заливалась солярка, сверху помещалась автомобильная покрывка, после чего все это поджигалось. С точки зрения экологии и охраны здоровья это вряд ли было полезно, зато никто не замерзал.

Честно говоря, я так и не понял, почему на полевых выходах мы все время разворачивали эти ППЛС. Видимо, на тот момент в нашей оборонной стратегии превалировала концепция необходимости всеобщей мобилизации в военное время. Палатки, скамейки, бирки, ящики с противогазами, столы, кухни, обмундирование и все такое прочее, многократно упакованное и распакованное, на мой взгляд, уже давно превратилось в совершенно непригодный хлам. Но, понятное дело, об этом никто никого не спрашивал.

Приблизительно так же дело обстояло и с караулами. Предотвратить преступление можно было бы лишь в том случае, если злоумышленник оказывался трусом. При ночной температуре минус 39 градусов (я тогда очень гордился тем, что отморозил себе кончик носа, и у меня пару недель с него слезала кожа) в караул мы снаряжались следующим образом: теплое белье, п/ш (полушерстяное обмундирование), шинель, бушлат, тулуп, ватные штаны, валенки. В результате, такой караульный приобретал совершенно некондиционный шарообразный вид и снять автомат с плеча, чтобы открыть предупредительный огонь, он никак не мог. Я предполагал, что если к такому часовому подойти сзади и толкнуть его в сторону, например, собственного дома, он радостно докатится до самых дверей.

«Отправление естественных надобностей» попадало в разряд неосуществимых мечтаний в силу тех же причин, а вовсе не дисциплинарных требований. Как все, довольно логично, считали, «скорее лопнет твой мочевого пузырь, чем ночью к тебе подкрадется какой-нибудь проверяющий». О «проклятых расхитителях социалистической собственности» мы как-то не думали. Возможно, потому, что на охраняемых нами объектах в нижегородских лесах уже не особенно что и оставалось нерасхищенным. Но я отвлекся.

Бегать «по-маленькому» приходилось в перерывах, когда с тебя снимали всю эту «противозамерзательную» сбрую. А вот с физиологическими проблемами более крупного масштаба было труднее. Особенно для тех, кто жил в современных городских квартирах и был, так сказать, развращен буржуазным бытом. Деревенских, думаю, это не очень пугало! Но, все

равно, караульный туалет, в точности соответствовавший описанию из фильма «Бриллиантовая рука», на меня произвел совершенно неизгладимое впечатление. Ничего подобного я не видел ни до, ни после! Последняя уборка там проходила, видимо, еще в доперестроечные времена, поэтому «очки» (кстати, вот это, как раз – совершенно официальный термин) были безнадежно погребены под центнерами отработанных продуктов человеческого организма. Это были даже не сталактиты, это были настоящие горные хребты! Каким-то удивительным образом они продолжали свое стремление к небу, хотя я так и не понял – каким. Впрочем, я старался об этом не думать, как и о том, какие ароматы разносятся над нашим гарнизонным караулом в теплое время года...

«Тут, в армии, все как-то по-другому. Я сейчас стал страшным фанатом всяких ирисок, карамелек, печенья, вафель и прочей ерунды, которой дома не ел. Даже халву тут уписывал за обе щеки. Да, армия меняет человека! 15. 12. 1986 г.»

Я, очевидным образом, нарушил причинно-следственную связь, и про процессы, предшествующие финальной части работы пищеварительной системы надо было бы рассказывать раньше. Но лучше поздно, чем никогда, тем более, что про еду и разговор будет более приятным. Краткий вывод – есть хотелось все время! (на фото процесс поглощения вкусных подарков, которые привезли друзья с гражданки)

И что самое удивительное, хотелось того, что дома никакого интереса не вызывало: конфет, печенья и тортов. Потребность удовлетворялась двумя способами – походом в чайную и посылками из дома.

В чайную можно было ходить хоть каждый день, были бы деньги. А вот посылки – это совсем другая история. Присланные из дома гостинцы приобретали совершенно иной вкус, я бы сказал – метафизический. Это была не только материальная пища, но и духовная! К тому же процесс получения посылки, ее вскрытия и употребления содержимого быстро превращался в обязательный элемент социалистического сосуществования. Что, кстати, почти всеми воспринималось как само собой разумеющееся. Когда один из рядовых нашего шестого взвода был замечен за углом казармы, жуящим вафли, присланные ему из дома, справедливое наказание оказалось скорым и довольно чувствительным.

В полковую столовую почти ползими приходилось ходить в шинелях. Из-за ужасного холода, решено было не раздевать личный состав в казармах и не гонять нас по улицам «голышом». Так в шинелях и ели... Несмотря на питание по жесткому распорядку, «в коня корм не шел» – первые недели службы все стремительно худели. Процесс начинался сразу после того, как новобранцы переставали «срать бабушкиными пирожками». (Это была любимая фраза старшины батареи, сержанта Федуна) За полгода в учебке посылки мне приходили неоднократно, благо Москва находилась совсем рядом, но как показывала практика – потеря веса являлась временным явлением. В конце концов, организм перестраивался и, как правило, все начинали прибавлять. «Что ни день – сто грамм! Что ни день – сто грамм!»

Если же говорить о настоящих ста граммах, то для курсантов учебного центра они оставались непозволительной роскошью. Мы еще были слишком неопытными в тонкостях армейского неуставного быта, поэтому подобное удовольствие позволяли себе только сержанты-деды и то, по большим праздникам, самым большим из которых был, конечно, Новый год.

«У нас было семь тортов, каждый килограммов на шесть, очень большие и плоские, но вкусные. Шесть ящиков конфет, три ящика пряников, ящик печенья, два ящика яблок, ящик мандаринов и четыреста бутылок лимонада! Съели в первый день, конечно, не все, хотя

мы и старались. Так старались, что на следующий день у меня заболел живот, и я не смог идти на ужин, 02. 01. 1987 г.»

Главным украшением стола, несмотря на приведенный выше список, был телевизор. Об этом очень правильно в свое время говорил почтальон Печкин. Я ухитрился посмотреть все: «Огонек», «Ритмы планеты» и «Ну, погоди!» Это было поощрением за то, что я трудился официантом во время праздничного ужина, которому предшествовала большая развлекательная программа. Мы (наш взвод) выиграли в игру «Что? Где? Когда?». Тогда все викторины всегда называли «Что? Где? Когда?», хотя со знаменитой телеигрой они имели весьма отдаленное сходство. Тем не менее, было приятно правильно ответить на поставленные вопросы. Например, как переводится слово «камикадзе» или кто из советских клоунов является обладателем циркового «Оскара». Нашими соперниками оказались «заезжие профессионалы» из второй батареи, которые покинули место интеллектуальной схватки пристыженными и мрачными.

В повседневности телевизор выполнял, в основном, патриотически-воспитательные функции. Ежедневно личный состав ровно в девять вечера усаживался на табуретки для просмотра программы «Время». То, что на самом деле ее никто не смотрел, никого не волновало. Главное, чтобы все сидели на своих табуретках и смотрели в телевизор. Такая же история происходила в выходные, когда в таком же обязательном порядке все смотрели передачу «Служу Советскому Союзу!», по понятным причинам именовавшуюся не иначе, как «В гостях у сказки». (Телепрограмма «Служу Советскому Союзу!» Развлекаться с помощью телевизора было сложно, но оставался еще проигрыватель, стоявший в Ленинской комнате.

Обычно здесь писали письма, хотя изначально это помещение предназначалось для проведения политинформаций и других важных мероприятий «разъяснительного характера». Наша «ленинская комната» запомнилась мне бесконечным прокручиванием двух пластинок. Первой была «Песни на стихи Леонида Дербенева», главным хитом которой являлась композиция в исполнении Михаила Боярского со словами «Уеду срочно я из этих мест». Вообще-то, в ней речь шла о свадьбе друга, на которой лирический герой влюбился в чужую невесту, но мы

реагировали исключительно на вербальный раздражитель «уеду срочно я». Вторая популярная пластинка, название которой, к сожалению, моя память не сохранила, была сборником узбекской эстрады, с абсолютным хитом – песенкой про цыплят. «Цып-цып-цып, мои цыплятки» – такой перевод текста был мне известен на русском. Не исключаю, что в узбекском варианте пелось о чем-то другом, но, так или иначе, две эти мелодии навечно отпечатались в моем подсознании именно благодаря бесконечной «ротации» в нашей ленинской комнате.

Искусство постоянно присутствовало в нашей повседневности. Начать с того, что строем мы ходили, конечно, с песней. Репертуар был проверенный, одобренный всевозможными инстанциями и потому быстро приевшийся. Но оставалась лазейка – иногда мы маршировали в полях или лесах, куда ухо замполита не проникало. Одним из самых интересных экспериментов оказалось исполнение в маршевой аранжировке песенки Крокодила Гены «Пусть бегут неуклюже». Она идеально подошла для прохождения строем: поднимала настроение, была известна всем без исключения бойцам и оказалась не лишена некоторых изысков. После слов «к сожаленью, день рожденья только раз в году!» правофланговый пел: «Па-бада-бадам-бада-бадам-бада-бадам!»

Радиотрансляции на территории полка тоже вносили свой вклад в абсурдизацию мира. Тогда большой популярностью у «городской» армейской молодежи пользовалась радиостанция «Юность», время от времени включавшая в свои передачи западную музыку. Причем иногда даже не слишком старую. Например, полы в казарме особенно успешно натирались «машкой» под АС/DC. (Поясню, что «машкой» называлась огромная швабра. Вместо щетки к ней крепилась большущая деревянная чушка с войлочным покрытием. Полы натирались мастикой, а затем с помощью этого инструмента доводились до блестящей кондиции. Что касается названия, то оно объясняется незамысловатым солдатским юмором. Сам процесс натирания полов именовался словом «ебаться», а так как делать это в одиночку было, согласитесь, странно, то и происходило это – «с «машкой»)

Процесс уборки помещений в армии превращался в подобие религиозного ритуала. Прошу понять меня правильно, я не имею в виду ничего такого, что могло бы оскорбить чувства верующих. Лишь хочу подчеркнуть его важность. Как говорил нам старшина Федун, в армии все должно быть «пусть хуеобразно, но однообразно!» Это удивительно, как быстро молодые ребята, несколько месяцев назад получившие сержантские погоны, а вместе с ними – полномочия руководителей, перенимали язык и манеру поведения старших командиров. Видимо, это общее такое человеческое качество. Наблюдая за стремительными метаморфозами многих известных людей, ставших, например, депутатами Государственной думы, я сейчас думаю, что именно в армии впервые заметил эту особенность – власть меняет человека. И не в лучшую сторону.

Что касается «однообразности», то она достигалась за счет многократных повторений, почти дрессуры. Одежда на койках выравнивалась по трем полосам, нанесенным на один из краев. Иногда через весь ряд кроватей натягивалась ниточка. Это помогало удостовериться в том, что все койки заправлены одинаково аккуратно. Впрочем, чаще обходились без ниточки, хотя, справедливости ради, надо сказать, что если бы в казарме не существовало таких драконовских бытовых правил, помещение быстро превратилось бы в помойку.

До армии, причем, и после нее – тоже, я часто слышал популярную «страшилку» о другой армейской процедуре: чистке унитазов с помощью зубных щеток. Как правило, с такими рассказами выступали люди, сами в армии не служившие. Просто потому, что в армии унитазов не было. Но «очки» в нашей батарее, действительно, пару раз натирали щетками. Этот процесс носил ярко выраженный экзекуционный характер, поскольку подчеркивал абсолютную бессмысленность самого занятия. То есть, если надо было наказать кого-то за некий ужасный проступок, ему придумывали такой наряд, бытовой пользы от которого не было никакой,

но зато все становилось понятно: человек наказан и отрабатывает это наказание в поте лица своего.

Утренние построения периодически также приобретали чудную (с ударением на первый слог) окраску. Достаточно представить такую картину. Личный состав полка стоит на плацу в ОЗК. ОЗК – это «[Общевойсковой защитный комплект](#)», средство индивидуальной защиты от отравляющих веществ, биологического оружия и радиационной пыли. Вещь, совершенно необходимая для любителей зимней рыбалки или чего-то подобного, связанного с экстремальным копанием в грязи, но вряд ли способная спасти жизнь в условиях химической войны. ОЗК закрывает фигуру одетого в него человека полностью. Практически, это – резиновый комбинезон, дополнительно снабженный резиновыми же сапогами. Финальной точкой служит противогаз. ОЗК – Общевойсковой защитный комплект. Так вот, когда наряженные в костюмчики веселого зеленого цвета солдаты стоят на плацу после команды «вольно», стоят довольно долго, а новых распоряжений все не поступает – возникает желание как-то разнообразить свое времяпрепровождение. В этот момент через громкоговорители начинает звучать песня «Симона» в исполнении Владимира Кузьмина. И весь полк пускается в пляс! Если бы фильм «Письма мертвого человека» не был бы столь серьезным и трагическим, эту картину вполне можно было бы в него включить – сотни человек в противогазах весело скачут под рассказ о том, что «на рижском взморье воздух свеж»!..

В полковом клубе нам бесплатно показывали кино. Хотя при наличии свободного времени и необходимой суммы по выходным можно было ходить и на платные сеансы, которые организовывали для офицеров и членов их семей. Этой возможностью я пользовался при каждом удобном случае. Я уже хорошо знал дорогу в клуб, поскольку мой вопрос про конференсье, заданный прапорщику из строевой в первый же мой день в учебке, упал на подготовленную почву. Меня довольно быстро «взяли в оборот» и творческие процессы в полковой художественной самодеятельности проходили при самом активном моем участии.

«Дивизионный смотр самодеятельности нагрянул внезапно и неожиданно. Замполит полка бросил все силы (то бишь – нас) на разгром врага (то бишь – комиссии). В общем, я полу-

чил наглядный пример армейской жизни и организации. Судите сами: за один день нужно было сделать часовой концерт с разными номерами, песнями, стихами, танцами, оригинальным жанром и хором! Хора у нас, конечно же, не было, но, так или иначе, его нужно было создать. Кроме того, нужно было одеть всех участников концерта в «парадку». Вроде не сложно, если два дня назад весь полк был в «парадке». Но теперь нужны были фуражки и ботинки. Фуражки – ерунда, но самые большие ботинки в батарее были 42 размера! Вот вам и концерт!

В результате наших действий, умноженных на солдатскую смекалку, мы выдали концерт на два с лишним часа, а я работал его в ботинках 46 размера! Хор был такой, что не умещался на сцене и, выучив две песни за несколько десятков минут, спел их с большим энтузиазмом, прикрепив слова к спинам впереди стоящих. Были и авторские песни, и выступления офицеров, и художественный свист, и даже – самый настоящий йог, который ходил по битым бутылкам, прыгал на них, лежал и к тому же – ел! 27. 02. 1987 г.»

После этого триумфа я едва не загремел в наряд вне очереди. Наивно решив воспользоваться своим «довоенным» опытом, во время концерта я допустил существенное нарушение формы одежды – снял ремень. Замполит полка сделал мне весьма внятное замечание, но от более сурового наказания меня спасла благожелательная реакция вышестоящего начальства. Наш полк отметили с положительной стороны, а как я уже знал, в армии это – очень важный аргумент: если командование довольно, допустимо абсолютно все!

Наряды вне очереди широко практиковались в качестве наказания проштрафившихся, но и без них проблемы нехватки кадров не существовало. Самым тяжелым считался наряд по кочегарке. В этом небольшом помещении, почти до самого потолка заполненном углем, два человека безостановочно подбрасывали топливо лопатами в печь. В такие наряды, как правило, попадали «чморики», те, кто по каким-то причинам быстро теряли способность сопротивляться внешнему давлению. А давление это порой приобретало весьма агрессивные формы. Через неделю после моего появления в полку, в нашу батарею привезли еще одну группу «молодых», в числе которых был высокий парень с громким, хорошо поставленным голосом. Он уверенно зашел в ленинскую комнату, заполненную пишущими письма курсантами, и произнес текст, смысл которого сводился к тому, что скоро он наведет тут надлежащий порядок. Не знаю, что произошло в дальнейшем (он попал не в мой взвод), но судьба его оказалась печальной.

Вообще, в учебке дедовщины не существовало. Ее и не могло быть, потому как, почти все проходящие службу были одного призыва. Исключение представляли сержанты: командиры отделений, отслужившие полгода и год, и заместители командиров взводов, «дедушки», через полгода уходившие на дембель. Конечно, сержанты гоняли молодых, но без экстремального усердия. Другое дело, что если младший командирский состав этого хотел – национальные противоречия в солдатской среде быстро брали свое, и тот или иной курсант становился жертвой какой-нибудь группировки. (на фото мой взвод. Я – второй справа в верхнем ряду)

Русские не слишком защищали своих, в отличие от кавказцев и представителей Средней Азии. Те всегда держались сплоченными группами и при необходимости вставали за земляков горой. А вот братья-славяне запрягали очень долго и весьма выборочно. Таким образом, в каждой из батарей через пару месяцев выделялось небольшое количество совершенно безропотных «тварей дрожащих», с которыми было позволительно делать все, что угодно. В буквальном смысле. Упомянутому мною громкоголосому новобранцу, обещавшему навести в батарее собственный порядок, в конце концов, прямо на плацу рот заткнули членом. После этого он уже не вылезал из наряда по кочегарке. По-моему, он даже ел и спал там. Мы встречали его только в бане, куда он приходил совершенно черным от угольной пыли.

Конечно, сержанты (кстати, все они были исключительно славянами – русскими, белорусами и украинцами) могли бы пресечь подобную практику. Но они ее не пресекали. Так же, как и офицеры. В каком-то смысле, это диктовалось правилами жизни. Не закон джунглей, конечно, но, дескать, если ты сам не в состоянии при необходимости себя защитить, то делать это за тебя никто не будет.

Мне, безусловно, повезло и с командиром взвода, и с сержантами. Мои командиры отделений были старше меня чисто символически: одному – 19, второму – 22. Они отслужили лишь по полгода к тому моменту, когда я пришел в армию. И Сергей, и Валера были по-настоящему хорошими ребятами. Не придирались по пустякам, не разыгрывали из себя «дедов», охотно помогали. Мы подружились, как это могло бы произойти «на гражданке», очень скоро перешли на «ты» и именно ребята первыми предложили мне постараться сдать выпускные экзамены так, чтобы остаться в учебке. Стоит ли говорить, что эта идея мне очень понравилась.

Замкомандира взвода, сержант Замолин, Дима, уже всеми своими мыслями был дома. Он активно готовился к дембелю, работал над своим альбомом и специально украшенной парадкой, так что обязанности работы с личным составом он с удовольствием перекладывал на своих помощников, справедливо решив, что воспитал уже достаточное количество сержантов Советской армии и теперь имеет полное право заняться своими проблемами.

Командир взвода, капитан Столяров оказался человеком небольшого роста, худощавым и болезненным. Возможно, именно не слишком крепким здоровьем объяснялся и его характер – он был очень мягким и интеллигентным человеком, совсем не военным. Капи-

тан оказался единственным офицером за всю мою службу, который ни разу при мне не выругался матом. В эти полгода он несколько раз надолго пропадал из расположения полка, оказываясь на больничной койке, у него были какие-то проблемы с легкими. Офицеры вместе со своими семьями жили рядом с полком, в нескольких многоквартирных домиках-бараках в поселке, почему-то носившем название «Инженер». Никакими инженерами там не пахло, только нашими офицерами... Жизнь была, мягко говоря, не сахар – кругом лес, до ближайших населенных пунктов долго добирались на автобусах, да и сами эти населенные пункты не производили впечатления центров цивилизации. Досуг расцветчивали практически так же, как и у солдат: кино в клубе, да офицерская столовая. Так или иначе, первая армейская смерть, свидетелем которой я стал, была самоубийством именно офицера, командира одного из взводов нашей батареи. Как нам потом рассказали сержанты, у него были какие-то проблемы в семье, вроде бы, бытовые.

«У меня дела нормально. Занятие мне доверяют вести все чаще и чаще, так что меня стали дразнить „сержант Норкин“. Валера построит взвод и говорит: „Сейчас вам сержант Норкин расскажет устройство КТД, потом сдадите ему зачет“ или „Сейчас сержант Норкин расскажет о топопривязке по карте с помощью засечек“. Так и приклеился ко мне этот „сержант Норкин“. 21. 03. 1987 г.»

Учебный процесс, тем временем, шел своей чередой. Политические занятия, честно говоря, самые скучные, («Перестройка и кадровая политика партии») чередовались с практическими, по геодезии. Я уже даже самостоятельно проводил такие занятия, правда, только с буссолью. Буссоль артиллерийская А любимым нашим инструментом был лазерный дальномер. Через видоискатель вы выбирали какой-нибудь отдаленный предмет, нажимали на кнопку и на небольшом экранчике загорались цифры, показывавшие расстояние до данной точки. Подразумевалось, что лазерный сигнал ни в коем случае нельзя было посылать в человека. Конечно, это требование игнорировалось. Особенно «везло» начальнику штаба дивизиона, майору Буднику. Он почему-то всегда (всегда!) считал своим долгом произнести перед нами следующую фразу: «Ну, что? Родине нужны герои, но пизда рождает мудаков!» Если майор Будник оказывался в зоне досягаемости нашего дальномера, лазерный сигнал тут же отправлялся в его седалищную область. Подразумевалось, что это негативно скажется на его потенции и он, хотя бы на время, оставит нас в покое от своих умозаключений. Возможно, такое солдатское единодушие в отношении майора объяснялось его кармой. Не исключено, что в момент его появления на свет Родина нуждалась не просто в герое, а в супергерое, но произошло все в полном соответствии с его любимой мантрой...

Другие приборы оказались не настолько интересными, как дальномер. Не настолько высокотехнологичными, по крайней мере. Тем не менее, и они имели свои плюсы. Так, наш каракалпак Жумабай Байданов, по прозвищу Пятница, заглянув в окуляр теодолита и направив его на какую-то соседнюю елку, удивленно сообщил: «Товарищ сержанта! Теодолита сломалась!» Последовав ерническому совету перевернуть трубу, он, естественно, снова увидел зеркальную картинку и повторил, что «теодолита», несомненно, сломан! Теодолит

Единственное, что вызывало у меня активное неприятие, это «спортивные праздники». Дома мы с ребятами постоянно играли в футбол и в хоккей, но кроссы я ненавидел искренне и люто. В армейском варианте эта радость досталась мне еще и в лыжном варианте. Апофеоз такого олимпизма пришелся на десятикилометровый марш-бросок в ОЗК. Сначала я решил, что моя служба и моя жизнь закончатся прямо на этой лыжне, но инстинкт самосохранения быстро пришел на помощь. Я объяснил командирам, что не могу надеть очки на противогаз – они падают. Точно также я не могу надеть противогаз на очки – он не налезает. Без противогаза я бежать не могу, ибо нарушаю условия выполнения задания, но и без очков я тоже бежать не могу, потому что через стекла противогаза я не вижу, куда, собственно, бежать. Внимательно выслушав меня, комбат посоветовал мне «идти на хуй и не мешать остальным участникам спортивного праздника». Больше на лыжные кроссы меня не вызывали.

«В ту же субботу, только до обеда, я был на артиллерийском полигоне. Встав на лыжи и растянувшись цепью, мы отправились вглубь полей на поиски неразорвавшихся мин и снарядов. Нашли два снаряда. Хорошо, что погода была очень хорошая, потому что эти полигоны таких размеров, что ветром нас могло просто унести в безвоздушное пространство. Потом было еще испытание на стойкость и крепость организма, ибо после лыжной прогулки по полигону (километров шесть, туда и обратно), а прогулка была в шинелях и валенках, мы ехали домой (18 км) на открытой машине! Кстати, у меня кончился пластырь. Если есть возможность, пришлите, пожалуйста. 10. 03. 1987 г.»

Бытовые неурядицы уже казались чем-то само собой разумеющимся. Хотя не могу сказать, что все было идеально. Неумение наматывать портянки, конечно, сказалось, хотя с мозолями удалось справиться довольно быстро. А вот в конце зимы, когда стояла самая мерзкая погода – уже не морозы, но еще и не оттепель – пришлось помучиться. В письмах домой я про это не писал, не хотел никого расстраивать, но язвы, образовавшиеся на ногах, на задней поверхности голени, доставали ужасно. Ходить в сапогах стало больно, даже не столько ходить, сколько снимать и надевать обувь. В санчасти применялись радикальные методы лечения: язвы, в которые уже целиком входила фаланга указательного пальца, замазывались «зеленкой», после чего я заклеивал их принесенным с собой пластырем. Удивительно, но ничего серьезного не случилось! Видимо, молодой здоровый организм взял свое, и когда наступила теплая погода от моей проблемы остались только здоровенные черные синяки, которые, кстати, красовались на своих местах еще лет пятнадцать, если не дольше. (на фото – Мама приехала! А брат заметно вырос за несколько месяцев!)

Вообще, конечно, лучше было не болеть. Тяжелей всего приходилось тем, кого и нельзя было призывать по состоянию здоровья. Но никого не волновало, почему в казарме вдруг оказывались совершеннейшие доходяги. Как правило, в конце концов, их все-таки отправляли домой, но некоторые успевали стать частью грубоватого батарейного фольклора. Так, один

боец, москвич, прославился тем, что не успел добежать до туалета и потом прилюдно вытаскивал руками содержимое прямой кишки, оказавшееся в штанах. Позднее выяснилось, что парень обладал целым букетом заболеваний, и его на пушечный выстрел нельзя было подпускать к нашей артиллерийской части, как, впрочем, и к любой другой. Но это – позднее, а в тот момент он стал, безусловной звездой. Еще одна пара, уже из Средней Азии, прогрела на весь полк после того как шокировала едва не до полусмерти сержанта по фамилии Сало. Он отвечал за хоздвор, был совершенно взрослым мужиком и являлся едва ли не единственным на весь полк обладателем погон с красными лычками, поскольку был сверхсрочником. Взволновавшая его история произошла в тот момент, когда наша батарея заступила в полковой наряд, и двое бойцов, вконец истосковавшихся по любви и ласке, пытались вступить с кобылой сержанта Сало в предосудительные с точки зрения законодательства отношения! Им, конечно, влетело, но признаков опасного психического заболевания в их поведении не обнаружили, поэтому и служба их продолжилась.

«О том, что нужно участвовать в проводах зимы, мне, разумеется, сообщили в самый последний момент. Хорошо, что меня приучили к экспромтам, поэтому я успел подготовиться. В общем, я был Петрушкой, и моей главной задачей было развлечение мальчишки, поскольку взрослые смотрели концерт художественной самодеятельности. Мне помогали еще два парня из нашей батареи – они были Фомой и Еремой. Мы организовали разные конкурсы, игры и т. д. То есть – настоящий праздник проводов зимы с сжиганием чучела, катанием на санях, лазанием на дерево за подарком... Мне понравилось, хотя немножко устал. Вот такие у меня дела. Все. Андрей. 10. 03. 1987 г.»

К весне я уже почти свыкся с мыслью, что останусь в полку еще на полтора года. Теперь я занимался уже не вместе со взводом, а в составе специальной группы, в которую собрали кандидатов на «постоянное место жительства». Правда, первый командирский блин вышел комом. Меня поставили отвечать за доставку обедов на посты в гарнизонном карауле. Я мотался туда-сюда на традиционном «ГАЗ-66», уставленном бидонами и канистрами с горячим обедом. В кабине постоянно играл магнитофон. Водитель оказался фанатом группы «Форум», которую с тех пор я мог слушать с большим трудом. «Белая ночь», «Улетели листья» и «Островок» прокрутились за эти сутки несчетное количество раз. Думаю, этим и объяснялась причина моего конфуза. Уже на первой точке я потерял ориентацию в пространстве и способность считать в уме, в результате чего часть моих сослуживцев осталась без обеда. Пришлось совершать дополнительные поездки. Поскольку голодный солдат – существо просто ужасное, я боялся, что «темной» по возвращении в казарму мне не избежать. Но, обошлось. В качестве наказания или же в воспитательных целях меня через пару дней поставили в тот же наряд. На фото я и мои наставники-сержанты

Надо отдать должное моим старшим товарищам – сержанты проявили недюжинные педагогические способности! В этот раз все получилось как нельзя лучше, так что я даже заслужил поощрение – в виде увольнительной в город Володарск. (на фото: По дороге в увольнительную)

Наш районный центр назывался городом, хотя (да простят меня местные жители) смотреть в этом городе было решительно нечего. Но мне все равно понравилось! Понравилась сама атмосфера неармейского быта; люди, одетые в гражданку, а не форму; просто дома, а не казармы. Понравилось даже то, что пришлось долго-долго идти пешком, чтобы вовремя успеть вернуться. Автобусы в этих краях ходили, как я уже говорил, не часто...

«Распределение уже началось. Сегодня, например, уже напечатаны списки отправляемых в Афганистан. По естественным причинам они держались в секрете от курсантов. Что же касается остальных, то и они потихоньку начинают рассортировываться по группам. С завтрашнего дня начинается отправка в войска. Самыми первыми отправятся афганцы. А вчера уже поехали за новым призывом. У нас во взводе четыре сержанта, остальные младшие. Как-нибудь сфотографируюсь, пришлю вам свою новую физиономию. Сегодня я первый день хожу в новых погонах... 03. 05. 1987 г.»

Поскольку отправка дембелей по домам задерживалась, мой замкомвзвода, сержант Замолин, решил воспользоваться паузой и довести до ума свой дембельский альбом. http://trinixy.ru/uploads/posts/comm_images/1424775238_dembelskiy-albom-001.png Дембельский альбом Для этого он привлек меня, поручив дорисовывать так называемые «кальки». Пока сам он клеил фотографии и раскрашивал страницы всевозможными цветами и узорами, я перерисовывал на калеченую бумагу одну за другой картинки с голыми тетками. Такие картинки считались особым шиком, ведь на дворе стояли как раз те времена, когда в Советском Союзе «секса не было». В данном случае, речь, конечно, шла не о фотографиях, а именно о рисунках, как правило, эротических карикатурах. Перерисовывал я их с разных вырезок из журналов, которыми меня снабдил мой командир. А для работы использовались карандаши и фломастеры из ленинской комнаты. Работа шла быстро, всем все нравилось, все было хорошо...

«Здравствуйте, все! Извините, что сейчас такое маленькое письмо. У нас тут большие изменения. Больше мне не пишите. Я буду стараться посылать вам весточки, но вы на них не отвечайте, потому что, скорее всего, я скоро поменяю место службы. Передайте это, пожалуйста, ребятам, потому что и писать некогда, да и нет настроения, честно говоря. Вся наша кампания теперь под вопросом. Ждите моих писем и не волнуйтесь! 06. 05. 1987 г.

Все планы рухнули одним погожим субботним днем. В полку объявили очередной спортивный праздник, от участия в котором меня освободил заместитель командира взвода, и я вместе с ним заперся в одной из многочисленных батарейных «каптерок». Потом Димке понадобилось выйти, он закрыл за собой дверь, которая через несколько минут вдруг начала подозрительно дергаться. В дверь ломился комбат, затеявший проверку помещений. Я услышал, как он зовет старшину с ключами и понял, что сейчас будет что-то не очень приятное.

Когда дверь открылась, я увидел нашего комбата, капитана Пискарева, из-за спины которого выглядывали старшина Федун и мой замкомвзвода, сержант Замолин. Воспроизводить весь состоявшийся затем диалог довольно затруднительно, потому как, в отличие от капитана Столярова, капитан Пискарев выражался с помощью идиоматических выражений с любовью и активностью. Положение мое усугублялось тем, что я, разумеется, не мог назвать ему истинную причину моего пребывания в каптерке, в то время как весь личный состав полка в это время болтался на турниках в ходе спортивного праздника. Компромат в виде картинок с обнаженными прелестницами я успел спрятать, пока комбат ломился в дверь, так что оставалась надежда, что он не найдет Димкин альбом и все как-нибудь рассосется.

Тут необходимо отметить, что дембельские альбомы официально находились под запретом. Они считались, и, честно говоря, не совсем уж безосновательно, проявлением дурновкусия и результатом тлетворного влияния западной массовой культуры. Хотя основная причина была чисто дисциплинарная. Работа над этими иллюстрированными книжками отнимала много времени, которое полагалось тратить на военную учебу. В общем, допустить, чтобы мой «дед» за какие-то считанные дни перед возвращением домой остался без дембельского аль-

бома, я никак не мог. К тому же, совершенно невозможным было бы расколоться и настучать. Поэтому я честно взвалил вину на себя, признавшись командиру батареи, что решил прогулять спортивные занятия и «притопил на массу». Это выражение означало, что я просто спал в каптерке.

Капитан Пискарев в тот день, по каким-то причинам, пребывал в дурном расположении духа. Поорав на меня, а заодно и на сержантов, минут пять, он объявил, что я получу хуй, а не продолжение службы в учебке рядом с домом, и что завтра же я должен буду уехать в войска. С первой же партией. В Забайкалье. Причем он потребовал, чтобы уже к завтрашнему вечеру ему предъявили факт моего отсутствия в полку.

Мои сержанты почесали полуотросшие затылки и пошли к капитану Столярову. Командир взвода выслушал их и предложил следующий вариант решения проблемы. Отменить распоряжение комбата он, естественно, не мог, а уговаривать рассерженного Пискарева было делом бессмысленным. Поэтому Столяров предоставил сержантам нашей батареи полную свободу действий, подкрепив его гарантиями своего нейтралитета. Деда пошли в строевую часть, в которой проходило формирование отправляемых по распределению в войска команд. Я же остался ждать решения моей судьбы.

В строевой части выяснилось, что завтра, действительно, отправляется команда в Забайкальский военный округ. Но точно также, группу наших курсантов должны были отправить и в Закавказский военный округ. Мои сержанты настоятельно попросили какого-то неизвестного мне «молодого», заполнявшего бланки, внести исправление в списки, вписав мою фамилию не в забайкальскую, а в закавказскую партию. Возражений, по понятным причинам, не последовало. Вернувшись в расположение батареи, они сообщили мне эту новость, дополнив ее следующей аргументацией: на Кавказе хоть тепло, да и фруктов поешь... И я уехал на Кавказ. Где понял, что все происходившее со мной эти полгода было только присказкой. Сказка ждала меня впереди, моя служба только начиналась... (на фото: я – сержант Советской Армии)

«На завтрак и т.д., всякие разводы ходим человек по шесть- семь. Подъем происходит так. В 7 часов дежурный по дивизиону кричит: „Эй, вставай! Давай, давай, вставай! Быстрей, эй!“ Так продолжается минут пять. Короче, половина убегает на зарядку, половина спит. 22. 05. 1987 г.»

Посмотреть на Баку толком не удалось. Так, из окна автобуса, по дороге с городского вокзала в Баладжары, где находился распределительный пункт Закавказского военного округа... Сразу же «прозвенел первый звонок». Контингент, ожидавший своей участи, разительно отличался по национальному составу от того, что остался в теперь уже далекой Горьковской обла-

сти. Оказалось, что на Кавказе не работало правило, согласно которому прохождение службы относительно недалеко от своего дома считалось нежелательным. Процентов семьдесят новобранцев и закончивших учебки сержантов, собравшихся в Баладжарах, представляли грузины, армяне, азербайджанцы и узбеки. По убывающей. Потом шли украинцы, молдаване, таджики и все остальные. РСФСР была представлена почему-то большим мордовским отрядом. Москвичей не наблюдалось вообще, что меня, конечно, озадачило. Правда, забирать мою команду приехал как раз москвич, лейтенант Кузьмин.

Он был классическим «ненастоящим офицером». Закончил вуз с военной кафедрой, поэтому служил в офицерском звании, и не два года. Лейтенант Кузьмин был худым, даже худощавым, довольно нескладным парнем, у которого высшее образование и интеллигентское происхождение сияли прямо на лбу. В последующее время я с ним почти не пересекался. В ранге «ненастоящего», он постоянно пребывал в нарядах, в основном, в качестве начальника патруля, чему откровенно радовался. Несмотря на то, что жил он не в казарме, а в предоставленной ему квартирке в военном городке, Олег Кузьмин явно тяготился всей этой армейской жизнью и был весьма доволен тем, что она, по большому счету, проходила мимо него.

Собрав маленькую группу в восемь человек, в которой шесть ребят представляли Узбекистан, в том числе, один сержант, который приехал из моего полка, лейтенант Кузьмин погрузил нас в поезд до Кутаиси, сопроводив необходимыми инструкциями по поиску места нашей дальнейшей службы. Как это ни удивительно, но сам он с нами не поехал, оставшись в Баладжарах дожидаться следующей партии. («Не маленькие! Сами доедете!») Это был второй звонок. Еще пару недель назад я такого и представить себе не мог. Что и обсуждал всю дорогу с единственным в нашей группе, помимо меня самого, «русскоязычным» сержантом. Его звали Толя Ерошенко, и он был из Житомира.

Толик оказался смешливым мальчишкой, довольно задиристым, несмотря на свое, как казалось, тщедушное телосложение. Это впечатление оказалось обманчивым, потому что на гражданке он серьезно занимался боксом и дозанимался до кандидата в мастера. Впрочем, как мне кажется, он выбрал бокс именно из-за «вихрастости» своего характера: никогда не упускал возможности кого-нибудь как-нибудь поддеть, так что умение правильно дать сдачи являлось просто необходимым жизненным требованием.

Мы приехали к КПП нашей новой части на окраине Кутаиси, на улице Никей.

(на фото: Крыши города Кутаиси)

Прямо перед нами находился КПП с закрытыми воротами, за забором располагался сам полк, слева, в деревьях, военный городок, в котором жили офицеры и их семьи, справа уже почти ничего не было, Кутаиси практически здесь заканчивался, а сзади оставался обычный жилой район с автобусной остановкой и продуктовым магазином. Как-то так получилось, что

за старшего в нашей команде оказался тот узбек, что приехал вместе со мной из Гороховца. Он, действительно, был самым старшим из нас и даже с высшим образованием, хорошо говорил по-русски, так что вел нас вперед именно он. Ну, а мы с Толяном и не обижались. С какой стати, собственно?

КПП встретил нас открытыми дверями. В коридоре, в комнате дежурного, комнате отдыха для наряда и в комнате для посетителей никого не было.

– Это что? – спросил меня Толик, все еще не привыкший к тому, что здешние порядки отличаются от тех, в которых мы жили предыдущие полгода, как жизнь австралийского аборигена отличается от жизни рядового баварского бюргера.

– Это я не знаю, что, – пробормотал я, удивленно озираясь по сторонам. Мы прошли через КПП и направились по длинной аллее к главному

зданию части. Было очень жарко и шинели в скатку, которые мы тащили на себе вместе с вещмешками, безумно раздражали. Дойдя до входа в здание, (это, как выяснилось, был вход в штаб полка) мы выстроились в корявую шеренгу и стали ждать. Никого. То есть – вообще! Время стояло послеобеденное и личный состав, видимо, пребывал на сиесте.

Наконец из дверей вышел человек. Маленький, кривоногий до карикатурности, с фуражкой, сдвинутой одновременно и в сторону, и на затылок. Он подошел к нам и начал прохаживаться вдоль строя, внимательно вглядываясь в наши лица. У него самого лицо напоминало физиономию... такой среднестатистической любимой бабушки, чуть сморщенное и очень доброе.

– Откуда? – спросил он Толика, остановившись напротив него.

– Из Житомира, – ответил Толик, нагло уставившись на офицера. Он оказался майором.

– А ты откуда? – спросил майор, подойдя ко мне.

– Из Москвы.

Он посмотрел на меня, потом еще больше сдвинул на затылок фуражку и, почесав лоб, опять задал вопрос.

– Пером писать умеешь?

– Плакатным? – уточнил я, – Не знаю. Ни разу не пробовал.

– Значит, попробуешь, – буркнул тот и потопал обратно в штаб, откуда к нам уже шел другой офицер, тоже майор, но более представительной внешности. Они о чем-то пошептались на ступеньках, маленький скрылся внутри, а большой подошел к нам.

– Я – начальник строевой части, майор Строев!

Тимошенко тут же толкнул меня локтем под ребро, что очевидно означало: «Вот уж, блин, подходящая у мужика фамилия!» Майор Строев был почему-то не в сапогах, а в туфлях и производил несколько чужеродное вооруженным силам впечатление. Он как-то не подходил к военной форме. Или форма – к нему. Собрав наши данные, он внес их в свои бумаги и объяснил, кому куда направляться. Меня он забрал с собой. Мы вошли в штаб, прошли мимо первого поста, где у полкового знамени стоял какой-то скучавший кавказец, и поднялись на второй этаж. Я увидел табличку с надписью «Командир полка. Подполковник Сидоренко Н. Н.» Майор Строев свернул в коридор, провел меня мимо нескольких дверей, таблички на которых я не стал читать, чтобы не показаться невоспитанным – идет, мол, и озирается по сторонам, как баран – и остановился у двери с надписью «Заместитель начальника штаба полка. Майор Ларцев И. Д.»

– Иван! – крикнул Строев в открывшийся за дверью небольшой тамбур. Там стоял здоровенный шкаф, и виднелись две двери в следующие комнаты. – Забирай!

На крик вышел тот самый смешной майор, оказавшийся замнаштаба майором Ларцевым. Он толкнул правую дверь, и мы вошли в комнату, главным предметом мебели в которой был огромный не то – пюпитр, не то – бюро, тянувшееся вдоль стены метра на три. К ско-

шенной поверхности был прикреплен лист ватмана, над которым склонился парень с сержантскими погонами.

– Богдан, вот, я тебе сменщика привел, – сказал майор Ларцев, обращаясь к этому сержанту. Тот оторвался от своей работы и смерил меня оценивающим взглядом.

– Москвич? – спросил он неожиданно высоким голосом. Сразу стало понятно, что сам парень откуда-то с Украины, видимо, Западной.

– Москвич, – с каким-то странным удовлетворением, как от хорошо проделанной работы, ответил замначштаба, – Объясни ему, что и как, пусть учится.

Сержанту Савушке служить оставалось несколько дней. Он уже мог бы уехать домой, но ему не на кого было оставить его «писарское» хозяйство. Формально, должность сержанта Савушки именовалась «командир отделения вычислителей», но в перечень его обязанностей входили не столько задачи по управлению артиллерийским огнем, (это была разовая работа, только на время полевых выходов) сколько куча всякой рутинной ерунды, связанной с тушью и плакатными перьями.

Проблема заключалась в том, что занимавшие эту, безусловно, крайне привилегированную должность, очень быстро «бурели» или, как еще говорили, «теряли нюх». То есть, начинали считать себя представителем высшего общества, не подчиняющимся общим правилам. В результате заброшенными оказывались прямые служебные обязанности, и такой претендент терял место, поскольку его изгоняли из штабного Олимпа на грешную землю.

Видимо, Иван Дмитриевич Ларцев обладал какими-то скрытыми способностями в области физиогномики, так как разглядел во мне предрасположенность к столь ответственной работе и приверженность, хотя бы незначительную, правилам армейской дисциплины. И еще – способность довольно быстро сходить с людьми.

Через пару минут в кабинет вошел еще один сержант, высокий, худой, с очень недовольным выражением лица.

– Откуда боксер? – спросил он меня прямо с порога. Я не очень понял вопроса и ответил, что я – из Москвы.

– Да не ты! – отрезал новый парень, – Боксер откуда?

Выяснилось, что Толик попал не в мой взвод, (в котором служили и Богдан, и этот незнакомый сержант) а в разведывательный дивизион, что очень расстроило только что пришедшего. Сергей Малов был родом из Днепропетровска, служить ему оставалось еще полгода, и он рассчитывал, что количество земляков в его подразделении увеличится. В общем, пришлось его дополнительно разочаровать сообщением, что боксер – из Житомира. Малов быстро потерял ко мне интерес, что, однако, меня не слишком расстроило. По своему, пусть и небольшому жизненному опыту, я знал, что первая, не слишком дружеская встреча, вовсе не означает нашего дальнейшего конфликтного сосуществования. Забегая вперед, скажу, что оказался целиком и полностью прав и с Сережкой у нас сложились прекрасные отношения. (на фото: секретчик Сергей (справа) и гсмщик Игорь (слева))

Но все это было потом, а пока мне предстояло освоиться не только в этом кабинете на втором этаже, но и в самом 130 артиллерийском полку.

Эта часть гордилась своей историей – полк был боевым, и еще во время Великой Отечественной получил почетное звание «Коростеньского», за бои у украинского города Коростень, недалеко от Житомира. Этим, кстати, и объяснялось то, что в полк присылали так много призывников именно с Украины.

Все здесь было совсем не так, как в учебке. Начать с того, что в одном здании располагалось сразу несколько частей. Помимо нас, артиллеристов, все правое крыло занимали вертолетчики. Причем – без вертолетов! Третий этаж левого крыла был отдан связистам, а всеми остальными помещениями владела артиллерия. Вместе с нашим взводом управления полка, в одном, как говорили, «расположении», размещался первый дивизион. Мы жили в правой части здания. Зеркально от нас несли службу третий дивизион и взвод материального обеспечения. В левом крыле, на первых двух этажах находились разведывательный дивизион, противотанковый дивизион и ремонтная рота. Наконец, весь третий этаж с фронтальной части здания занимали второй, четвертый и пятый дивизионы, но там солдат никаких не было. Эти подразделения именовались «Кабачком „12 стульев“», потому что в каждом из них числились по два рядовых и по двенадцать офицеров: подполковников и майоров. При мобилизации эти три дивизиона разворачивались согласно штатному расписанию за счет рядовых и офицеров запаса. Так что, любимые по учебке ППЛС здесь также имели место быть, пусть и гипотетически.

Территория нашей части также разительно отличалась от гигантской площадки Гороховецкого учебного центра. Полк находился в городской черте, с трех сторон прятался за забором, а с тыла прикрывался естественным фортификационным укреплением – рекой Риони. Перед главным входом рос огромный дуб, в тени которого пряталась скамеечка офицерской курилки. Справа размещался стадион, слева – плац. Сзади к полковому зданию было пристроено помещение столовой, а в отдельных маленьких строениях – по разные стороны от главного здания, находились туалет и умывальники, причем по отдельности. На берегу реки стояли полковой клуб, банно-прачечный комплекс, хоздвор и целая россыпь складских помещений.

Также на нашей территории находились солдатская чайная, офицерская столовая и, собственно, сам военный городок, в котором жили офицеры и члены их семей. В общем, все оказалось довольно компактным и субтропически ярким. Мои «деды» из учебки оказались правы в своих ожиданиях. Прямо на нашей территории росли и плодоносили инжир и гранаты, мандарины и шелковица, а также какое-то совершенно неприличное количество ежевики.

Интересно, что местные, (в широком смысле, то есть – грузины, армяне и азербайджанцы) ежевику почему-то не ели, так что все эти «ягодные места» оставались вотчиной славянского населения. Сразу покончим с фруктовой темой. Личный состав оказался настолько ленив, что инжир созревал на ветках до крайней стадии. Его уже нельзя было срывать, плоды лопались в руках. Поэтому, ели мы его так: залезали на дерево и срывали «инжирины» ртом. Что касается шелковицы, или тута, как ее здесь называли, то эти ягоды мы собирали, сваливали в ведра, засыпали сахаром и перетирали, получая очень сладкую и вкусную смесь. Главное было не допустить ее брожения, ибо тогда все это просто выбрасывалось, благо никакой потребности в подобных самопальных алкогольных продуктах в Кутаиси, конечно, не существовало.

Но это все были, так сказать, дары «Матушки природы». Все остальные прелести, удивительности и невероятности относились к организации военной жизни. Через несколько дней я понял, что наш взвод – это довольно специфическое явление, а я – в своем новом качестве – едва ли не самый специфический персонаж. Когда неразлучные друзья, сержанты Месхидзе и Сахарашвили из первого дивизиона, все-таки добивались своими истошными криками пробуждения большей части личного состава, мы с Серегой Маловым вставали, шли умываться, потом в столовую – завтракать, и, минуя плац с утренним разводом, отправлялись напрямик в свои кабинеты. Сержант Савушка с моим появлением стремительно уволился, кабинет оказался в моем полном распоряжении, а Серега ходил ко мне в гости. Наносить ответные визиты я не мог, хотя его кабинет располагался напротив. Малов служил в секретной части, под командованием женщины-прапорщика, и заведовал секретными картами и другой документацией для служебного пользования. Позднее я тоже получил доступ ко всем этим бумагам, но тра-

диция уже сложилась, поэтому мы больше времени проводили у меня. Тем более, что у меня и кабинет был больше, и вид из окна – лучше.

В конце мая в полк привезли очередную партию «духов». Национальный состав призывников оказался традиционным: подавляющее большинство – грузины, потом армяне и азербайджанцы, далее – все остальные. В казарме в этот момент затеяли покраску полов, поэтому все кровати вынесли прямо на стадион, и мы пытались спать под открытым небом. Пытались, потому что спустя пару часов после отбоя, первый дивизион напал на наш взвод и начался бой подушками. Бились часов до трех ночи, пока, наконец, не пришел дежурный по полку и не разогнал всех по койкам.

В своих письмах домой (то, что я оказался в Закавказье, кстати, стало заметно уже по почтовым конвертам – на них был изображен «армянский советский лингвист, академик АН Армянской ССР Г. А. Капанцян»). На фото: армянский советский лингвист, академик АН Армянской ССР Г. А. Капанцян

я много и восторженно описывал местные красоты: «Горы тут видно из нашей части. Это – Малый Кавказский хребет. Сюда бы слайдовую пленку!.. Только Риони, на берегу которой стоит наша часть, очень уж грязная. Правда, скоро она станет почище, но, все равно, купаться в ней нельзя будет, т.к. течение сбивает с ног. Купаться можно в озере». Единственное, что, в буквальном смысле, отравляло существование – ветер с противоположного берега реки. Там располагался колбасный завод, поэтому, если ветер дул с Риони, полк затягивал удушьящий производственный смрад. Старожилы с удовольствием объясняли, что местную вареную колбасу делают не только из туалетной бумаги, как по всему Союзу, но еще и из местных крыс, водившихся тут в изобилии. Новобранцы охотно верили...

В начале июня майор Ларцев озадачил меня неожиданным поручением.

– Норкин! – он еще называл меня по фамилии, до обращения по имени я еще, понятное дело, не дорос, – Отправляйся в спортроту. Там лейтенант Силкин тебя ждет, будешь отвечать за карантин молодых.

– В смысле, отвечать? – переспросил я.

– Ну, как в учебке. Будешь сержантом у новобранцев до присяги. Недели две поживешь с ними в спортроде.

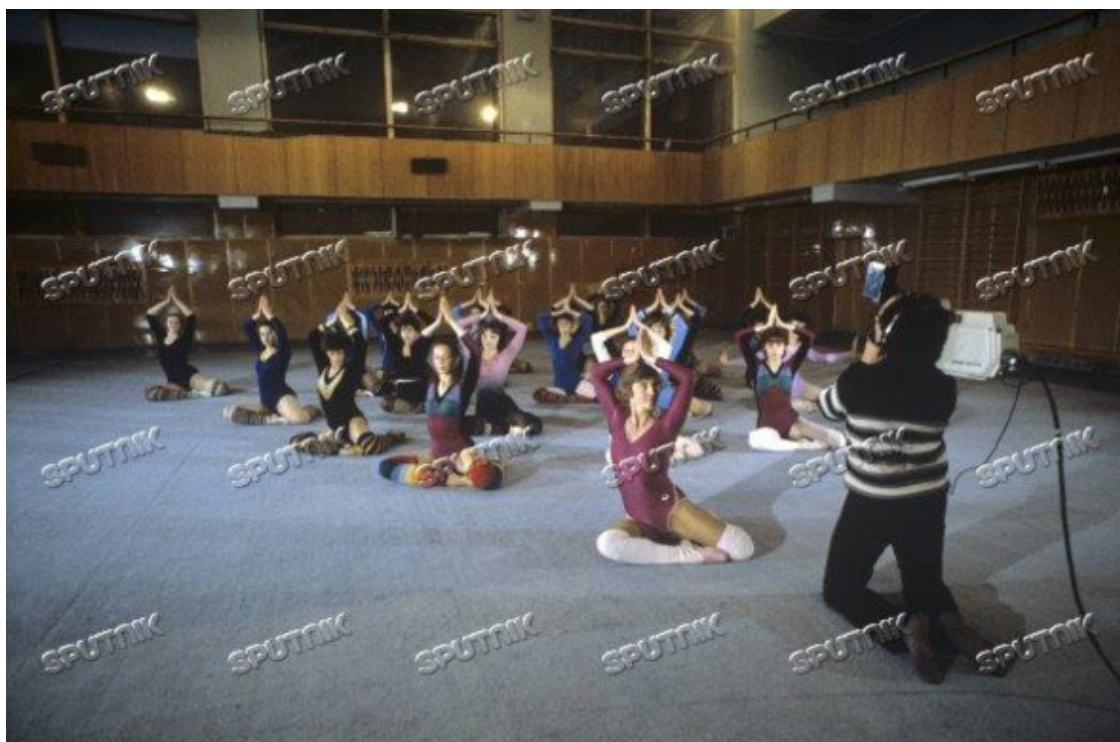
– А как же здесь?

– А здесь мы пока переждемся, если что, я тебя вызову, – успокоил меня майор Ларцев и я подумал, что в ближайшее время у меня существенно поубавится свободного времени.

Оказалось, что пугался я напрасно. Карантин больше походил на санаторий. Молодых там оказалось всего двенадцать человек, в роли наставников выступали два сержанта – я и еще один из местных, Реваз, а лейтенант Силкин – начальник спортивной роты и один из совсем немногочисленных лейтенантов полка – осуществлял общее руководство: приходил в расположение один раз, поутру. Мы с Ревазом старались не слишком напрягать молодое пополнение, логично рассудив, что от этого фактора напрямую зависит наше собственное времяпрепровождение. А тратить время было на что.

В спортроде (из постоянного состава в ней числился всего один малопонятный рядовой, который вечно ходил по помещению в белье и практически никогда не появлялся на людях. Не исключено, что командование даже и не подозревало о его существовании) стоял собственный маленький телевизор. Грузинское телевидение разительно отличалось от знакомого мне московского, центрального, телевидения. Например, грузины постоянно показывали, хоть и в записи, матчи европейских футбольных кубков. Не знаю, откуда они брали эти записи, но на следующий день после игры можно было посмотреть и английские, и итальянские, и испанские клубы, а не только те советские команды, которые участвовали в соревнованиях. Во-вторых, по пятницам и субботам в вечернем эфире шла программа «Иллюзион», в рамках которой демонстрировались относительно старые американские фильмы. Вел ее дядька, удивительно похожий на Эдуарда Шеварднадзе. Перед фильмом он произносил небольшую речь, что-то рассказывая о предстоящем зрелище, а потом показывали само кино. Первым, что я посмотрел, стали «Новые центурионы» Ричарда Флейшера. Фильм был 1972 года и когда-то выходил в советский прокат. Поскольку я всегда интересовался западными фильмами, возможность смотреть пусть проверенные, пусть не новые американские картины я, конечно, упустить никак не мог.

Смотреть телевизор в спортроде было одним удовольствием. Поскольку мы все это время оставались предоставлены сами себе, то никто не мешал нам делать это столько, сколько нам хотелось. У сослуживцев, оставшихся в казарме, такая возможность отсутствовала. Там телевизор, традиционно, стоял в ленинской комнате, но офицеры первого дивизиона постоянно мешали его смотреть. Особенно свирепствовал капитан Симонов, по прозвищу «Чума XX века». Этот сухой, высокий, с землистого цвета лицом и скрипучим голосом офицер, обладал удивительной невозмутимостью. Каждое воскресенье он появлялся в ленинской комнате, заполненной рядовыми и сержантами, собравшимися на просмотр новой еженедельной программы центрального телевидения. Это была аэробика.

(Телевизионная программа «Ритмическая гимнастика») Передача пользовалась грандиозной популярностью. Начальник штаба, подполковник Дьяконов, называл ее еженедельной эротической программой для личного состава Советской армии. Крики, раздававшиеся из ленинской комнаты во время ее просмотра, по уровню шума могли сравниться с ревом футбольного стадиона. Кричали, правда, в основном, междометиями, выражавшими различную степень восхищения. Самым распространенным было такое растянутое: «Уууф!» С придыханием в начале и мощным звуковым выбросом в конце...

Так вот, капитан «Чума XX века» заходил в комнату, подкрадывался к телевизору и своим противным голосом скрипел:

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Конечно, его никто не слушал. Возможно, даже не замечал. Следовала повторная команда.

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Реакция оставалась прежней. Тогда капитан Симонов вытягивал свою длинную, тощую длань и выключал телевизор.

– Первый дивизион, построиться на плацу!

Что тут начиналось! Грузинские «могитхан дедис мутели» и армянские «ворот кунем» обрушивались на голову капитана Симонова мощнейшим горным потоком, который поддерживался вкраплениями азербайджанских «сикимов» и «сычдыров». Перевод, в принципе, не требовался, поскольку все было понятно по одним интонациям. К тому же многонациональный состав нашего дружного армейского коллектива способствовал быстрому изучению нецензурной лексики каждого из существовавших в полку языков.

Капитан Симонов не обращал на это никакого внимания и, в конце концов, добивался своего. Дежурный по дивизиону, которому, понятное дело, не нужно было выходить строиться на плац, принимал сторону занудного офицера и начинал пинками выгонять публику на улицу. Пережившие тяжелейший эротический стресс солдаты и сержанты покидали комнату, сопровождая процесс криками: «Симонов – чума XX века!», а освободившуюся ленинскую комнату занимал дежурный по дивизиону и каптерщики нашего взвода, ибо, хоть и мы жили в одном

помещении, наш взвод и первый дивизион являлись разными подразделениями с разными командирами.

Первый дивизион вообще гоняли гораздо больше нас. Они были рабочими лошадками, а мы – блатными, потому что ВУП (взвод управления), как и ВМО (взвод материального обеспечения) отвечали за организацию всего армейского быта – от мирного до боевого. А пока мы все это обеспечивали, дивизионы занимались (или, скорее, должны были заниматься) боевой подготовкой.

Поэтому, дежурными и дневальными по дивизиону заступали только ребята из самого дивизиона. Особенно часто эта роль выпадала упомянутым выше Месхидзе и Сахарашвили. Они все время ходили вместе, а дежурили по очереди – это была такая своеобразная привилегия. Они выступали как бы маленькими дивизионными начальниками. Месхи и Сахар – так их называли – вообще обладали неплохим чувством юмора. Однажды вечером в казарме устроили какой-то безумный бардак – все кричали, визжали, прыгали по койкам, кидались подушками... В общем, вели себя, как настоящие обезьяны.

В конце концов, этот ад привлек внимание дежурного по полку, майора Гайворонского. Он начал колотить в закрытую стеклянную дверь, которая вела из казармы сразу в помещение штаба.

– Месхидзе! – заорал Гайворонский, едва не расколовший стекло, потому что дежурный по дивизиону его не слышал, – Месхидзе!

– Слушаю, товарищ майор!

– Что у вас за бардак? Немедленно ко мне!

Месхи убежал в штаб, и на несколько минут воцарилась тишина. Когда Месхи вернулся, он с порога заявил:

– Майор Гайворонский спросил, что у нас происходит? Я сказал: «Свинья забежала в расположение, товарищ майор, ловим ее!»

– И что? – раздался чей-то вопрос.

Месхи выдержал эффектную паузу и сказал:

– Велел продолжать!

Ну, мы и продолжили....

«Карантин, в котором я „воспитывал“ молодых солдат, разогнали за полторы недели до присяги, чему я весьма удивился. Последние два дня в нем были очень насыщенными. Сначала был однодневный полевой выход. Сперва – марш-бросок со всякими „атаками“, „газами“, „нападениями“, а потом, уже на месте, учились стрелять, окапываться, понюхали слезоточивого газа. На следующий день ездили стрелять на полигон. Тут мне удалось „отвести душу“, т.к. мне, как командиру отделения и сержанту, полагалось 24 патрона вместо 3-х солдатских. Оказалось, что стрелять в каске страшно неудобно, потому что мешают очки. Но я все равно сбил четыре мишени из шести. Оба раза я промазал по „пулемету“, а ростовые мишени за 100 и 200 метров – сбил». 18. 06. 1987 г.

Как ни прискорбно, это был предпоследний раз, когда я стрелял. В каждом мальчишке, без сомнения, сидит эта сумасшедшинка – желание что-нибудь поджечь или взорвать и посмотреть, что из этого получится? Например, наш начхим, начальник химической службы, майор Дубченко позднее мне признался, что сам он в армию пошел именно по этой причине: в надежде «навзрывать» вволю всякой всячины. Конечно, было обидно, когда на стрельбище тебе выдавали всего несколько патронов. И еще возникало чувство недоумения. Как же мы, не дай Бог, воевать будем, если не тренируемся стрелять? Ответ в голову приходил только один: в современных условиях использовать автомат на войне вряд ли придется. С точки зре-

ния здравого смысла ответ этот нельзя было не принять, но на уровне эмоций, повторю, где-то в глубине души оставались досада и недоумение.

Что касается карантина, то новость о закрытии нашей полупрофессиональной учебки, действительно, пришла очень неожиданно. После полевого выхода, когда наши новобранцы в буквальном смысле, понюхали порошу и не только, казалось, что сейчас тренировки развернутся с новой силой. Однако, все свернули с какой-то космической скоростью. Как стало понятно позднее, причина заключалась в начавшейся кадровой революции в Вооруженных силах, которая ко второй декаде июня докатилась и до нашего округа.

Началось все, как и должно было начаться, в Москве, причем прямо на Красной площади. 28 мая на Большой Замоскворецкий мост приземлился малюсенький самолетик. 28 мая 1987 год. Самолет Матиаса Руста на Красной площади. Назывался он «Сессна-172Б Скайхоук», а за его штурвалом находился девятнадцатилетний мальчишка из Гамбурга Матиас Руст. Даже, восемнадцатилетний. Девятнадцать ему исполнилось первого июня. Он пролетел на своем самолете от Гамбурга до Хельсинки, а потом – до Москвы. Зачем он это сделал, так до конца и не выяснено, но факт остается фактом: прокатившись по мосту, он доехал до Храма Василия Блаженного и, выйдя из самолета, начал раздавать гулявшим по Красной площади москвичам автографы. Пока его не скрутили (Матиас Руст в суде)

Если причины поступка Матиаса Руста по-прежнему не установлены, то последствия его «призыва к миру» хорошо известны. И речь идет вовсе не о приговоре самому Русту, которого признали виновным в хулиганстве, нарушении авиационного законодательства и незаконном пересечении границы, за что он просидел в общей сложности в советской тюрьме чуть больше года. Потом его амнистировали и отправили домой. Этот полет, подобно тектоническому удару, перетряхнул всю Советскую армию. Со своих должностей полетели не только командующий ПВО и министр обороны. Ими тогда были Александр Колдунов и Сергей Соколов. Началась грандиозная кадровая чистка и сокращение Вооруженных Сил. Каждый нижестоящий начальник дожидался поступающей сверху команды: остается он в своей должности

или готовится собирать вещи? В одном случае это означало перевод на новое место службы, в другом – увольнение.

Всю боевую подготовку на некоторое время приостановили, рядовые и сержанты по всей стране оказались предоставлены сами себе. Мы исключением не стали, тем более, что закипавшая в своем горшке перестройка, плюс резко испортившаяся в Закавказье погода, привели к моему первому, по-настоящему большому, армейскому приключению...

«У нас наконец-то прекратились дожди. Риони настолько переполнилась, что в городе перекрыли некоторые мосты, т.к. была опасность, что их смоем. В горах было еще хуже: сели смыли огромное количество ЛЭП и телеграфных линий. Никакой связи с деревнями не было, так что нас бросили на помощь местному населению, желающему поучаствовать в голосовании. Вся моя работа в командировке заключалась в том, что я периодически выходил на связь (подавая знак, что я живой), а в воскресенье сообщил о результатах выборов. И все. Остальное время я отдыхал от службы, иначе говоря – балдел. Сидел, ел яблоки и землянику. (За которой никто не ухаживает, но ее там – полно. Лежишь – руку протянул, и – готово) Завтраки, обеды и ужины – это были прямо пытки. Потому что у них принято во время еды пить вино. Поэтому мне приходилось отчаянно защищаться... Пришлось попробовать, чтобы не обижались...» 27. 06. 1987 г.

Как бы далеко от Москвы ни находился город Кутаиси, в котором я пребывал уже чуть больше месяца, политизированное дыхание столицы добралось до нас довольно быстро. «Перестройке» официально исполнилось почти полгода. [27 января](#) на Пленуме ЦК КПСС Михаил Горбачёв выступил с докладом, в точности повторявшим название темы моих политзанятий в учебке: «О перестройке и кадровой политике партии». Начавшиеся в восемьдесят пятом политические изменения в стране формализовали и структурировали. На июнь назначались альтернативные выборы в местные Советы, впервые в истории страны!

Ясно, что этому мероприятию была присвоена наивысшая степень государственной важности. А у нас, в Грузии, как назло, весна оказалась такой бурной и стремительной, что огромная часть населения оказалась почти отрезана от цивилизации и никак не могла выполнить свой гражданский долг.

Таявший в горах снег наполнял реки, которые в считанные часы превращались в бушующие потоки. Мимо нашего полка по Риони проплывали дохлые коровы, вырванные с корнем деревья и фрагменты разрушенных зданий. Сила потока была такова, что какой-то молодец-шофер из ремонтной роты, решивший помыть свой «Урал» в речке, через несколько минут обнаружил, что грузовик его залит водой уже по самую кабину, и выбраться своими силами уже не может. На помощь, естественно, подогнали БТР. И... К вящей радости десятков собравшихся на берегу речки однополчан, река Риони сначала унесла «Урал», а потом и привязанный к нему БТР! Спустя несколько дней обе машины удалось вытащить, они застряли в нескольких километрах вниз по течению.

Личному составу объявили, что через пару дней специально сформированные группы будут десантированы в горные районы для организации и проведения исторического голосования. Как формировались эти команды, я не знаю, но оказалось, что я попал в один общий десант не только с ребятами из моего взвода, но и с Толиком Ерошенко.

Группы были немногочисленные: четыре человека плюс пятый, офицер. Нашей зоной ответственности стала Сванетия. За несколько суток до дня выборов, караван грузовиков выехал за полковые ворота и направился по дороге в сторону Цхалтубо, знаменитого местного курорта, к горам, которыми я мог любоваться ежедневно из окна своего кабинета.

Пунктом назначения моей группы являлся Цагерский район. Говоря откровенно, это – не самое-самое высокогорье, до настоящих вершин еще было ехать и ехать, но нам надлежало

остановиться на самых подступах, в Нижней Сванетии, даже не добравшись до административного центра, населенного пункта под названием Лентехи. Впрочем, мне, как человеку неискушенному, и таких гор было более, чем достаточно. Голова кружилась от одного только взгляда в окно и от осознания того, что твоя жизнь находится в руках водителя ГАЗ-66, в общем-то, такого же раздолбая, как и ты сам, разве что отслужившего не полгода, а год или полтора.

До Цагери, гордо именовавшегося городом, хотя жило в нем около двух тысяч человек, а может, и того меньше, наш караван добрался изрядно поредевшим. По пути нас по частям пересаживали на аборигенский транспорт, и дальше по горному серпантину наши спецгруппы развозили уже местные жители. Ехали мы долго. Во-первых, расстояние все-таки было приличным. Во-вторых, на горных дорогах особенно не разгонишься, хотя, по-моему, местные водители на это чихать хотели. Так или иначе, в Цагери нам устроили привал. Нам – это мне, Толику, двум азербайджанцам: Кахрамону Мамедову из моего взвода и еще одному парню из противотанкового дивизиона, имени которого я не знал, а также нашему командиру, капитану Кочевникову из разведывательного.

С Кахрамоном, которого, естественно, все называли только «Мамед», у меня сразу сложились теплые отношения. Он был старше, то ли 23, то ли 24 года, обладал высшим образованием и занятой специальностью. Мамед выпустился из вуза технологом винзавода. Говорил он с забавным акцентом, с которым, как потом выяснилось, говорило подавляющее большинство «городских» азербайджанцев. Сельчане изъяснялись по-русски намного хуже. Ярким примером речи Мамеда была перманентная замена буквы «ц» на «ч», и наоборот. Например, Кахрамон всегда говорил только «цай», но, в то же время, «ЧСКА». В этой поездке, на правах более опытного служаки, Кахрамон взял меня под свое шефское крыло.

Мы сидели за накрытым прямо на улице столом, в тенистых зарослях каких-то неведомых мне деревьев, и наслаждались жизнью. На скатерти красовались хлеб, сыр, зелень, мясо, фрукты и стояли графины с вином. Еще перед началом трапезы, мудрый Кахрамон, наклонившись ко мне, произнес:

– Андрей, прошу тебя, сделай мне добру! Послушай! Кагда будиш умират, скажи... Жэнцине какой скажи: «Кала батано, момеци цхали, ра!»

Я напрягся и постарался запомнить.

– А что это значит?

– Сударыня, дайте напиться вады, – с удовольствием пояснил Кахрамон.

– А почему я буду умирать? – наивно поинтересовался я.

– Патаму шта! – классической фразой из анекдота ответил мой наставник и удовлетворенно откинулся на спинку стула.

Обед был чудесным! Я, кстати, на кормежку в полковой столовой не жаловался, она была на порядок лучше, чем в учебке, но с тем изобилием, что сейчас лежало перед моими глазами, ничто сравниться не могло по определению. Больше всего меня поразил сыр. Я всегда очень любил сыр, но такого я, конечно, раньше никогда не ел. Домашнего изготовления сулугуни напоминал свернутую в колечко ленту: можно было взяться за кончик и размотать этот сыр на несколько метров. Конечно, я этого не делал, как-то неловко было, неудобно, но съел я этого сулугуни, наверное, килограмм или больше.

Выпивали мы в разумном объеме. Капитан Кочевников, возглавлявший наш отряд, дал официальное разрешение на употребление алкогольных напитков. Сам он пил коньяк, а мы – красное и белое вино.

Тут, пожалуй, необходимо еще одно небольшое отступление... В старших классах школы я, как и многие мои сверстники, начал эксперименты с «излишествами разными нехорошими». Периодически я делал вид, что курю, периодически, что употребляю спиртное. Пили мы нечто, именовавшееся в те времена «бормотухой», а водку я попробовал уже в 10-м классе, опять же, на проводах в армию одного моего приятеля. Этот эпизод я помню, в основном, по рассказам

очевидцев. Но, то, что я выпил три рюмки – это я помню сам. После третьей, как гласят летописи, я залез в ванну, выбросил очки и заявил, что они мне больше не нужны, потому что я вижу лучше всех. Вот, собственно, и все. Из этого краткого рассказа следует вывод, что мое знакомство с алкоголем находилось на самой ранней стадии. Теперь возвращаемся в Цагери...

Привал закончился для всех, кроме капитана Кочевникова. Он уже находился в месте своей дислокации, поэтому мог спокойно продолжать пир. А нас с ребятами посадил в свой «газик» Юра, начальник Цагерского почтового отделения, и повез выше в горы. Мы проехали Догураши, Чхутели, Ласхану и, наконец, добрались до деревни Дехвери. Вернее, добрался я один, все остальные высадились раньше. Юра по дороге объяснил мне, что ближайшие дни я буду жить в доме его родителей.

– Мать тебя накормит и отправит спать, так что не волнуйся, – сказал он на прощание и укатил к себе домой.

Было уже совсем темно, потому что поездка от Цагери до Дехвери тоже заняла какое-то время. В ожидании Юриной мамы я бродил по фруктовому саду, окружавшему дом густыми-густыми зарослями. И вот, на пороге появилась крошечная женская фигурка, едва различимая в ночи из-за своей черной одежды.

– Бичо, моди! Моди, – поманила она меня.

Бабулька была вполне карикатурной внешности – сгорбленная, с густыми усами и общим печальным выражением лица. Можно было сказать, что она очень напоминала Бабу-ягу в каноническом исполнении Георгия Миллера.

Она привела меня в какую-то комнату, наподобие закрытой веранды и указала рукой на стул, стоявший у, конечно же, накрытого стола. Меню столь же впечатляло, как и днем, в Цагери. За одним исключением. Бабулька поставила передо мной точно такой же графин, с точно такой же прозрачной жидкостью чуть желтого цвета и маленькую рюмочку. «Жадничает старушка!», – подумал я, потому что несколько часов назад пил вино из больших граненых стаканов. И, конечно, я ошибся. Меня подвела моя неопытность, потому что даже заподозрить местное население в недостаточном гостеприимстве было бы настоящим преступлением. Просто Юрина мама решила угостить меня чачей...

Я почувствовал, что пью не вино сразу же, с первым прикосновением губ к этой ароматной обжигающей влаге. Выдержав неожиданный удар, я внутренне сгруппировался и довольно быстро дошел до той степени опьянения, когда продолжение банкета стало весьма проблематичным. Бабушка отвела меня на второй этаж, показала комнату, в которой стояла кровать, утопавшая в немыслимом количестве перин, и оставила спать. Я нырнул в эти перины и практически сразу же отрубился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.